

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

А. С. Пушкин – земной и божественный

Владимир Леонов

**А. С. Пушкин – земной
и божественный**

«Издательские решения»

Леонов В.

А. С. Пушкин – земной и божественный / В. Леонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835775-6

А каким же был на самом деле Пушкин — самый загадочный гений России, многими почитаемый, обожествленный. Гордость русского народа, начало начал в русской литературе, Солнце русской поэзии. Попробуем описать личность и жизнь великого человека, «не стоя на коленях», то есть не идеализируя и не канонизируя. Выйдя из плена легендарного, из «легендного образа» Пушкина: Я знаю, век уж мой измерен, Но чтоб продлилась жизнь моя, Я утром должен быть уверен, Что с вами днем увижусь я.

ISBN 978-5-44-835775-6

© Леонов В.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пушкин Александр Сергеевич	7
«Дух прекрасный и солнечный»	8
Каким он был, Александр Сергеевич?	10
Победитель и Жертва	11
Самое главное для человека	12
Он жил, как Аполлон	13
Царскосельский лицей	14
Пушкин и Державин	16
Мировоззрение Солнца	17
Факты детства	18
Образы поэта Пушкина	19
Пушкин и мир	20
«Медный всадник» – способность «видеть общий ход вещей»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

А. С. Пушкин – земной и божественный

Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2016

ISBN 978-5-4483-5775-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Великий мирянин России, ее поэтический пророк, вечно присутствующие в нашей жизни: *«но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал»* – Пушкин.

Нет России без ее великих патриотов. Нет России без ее великих властителей дум. То и другое вместе – явление русского духа. Имя которого – Пушкин.

Книги рассчитана на широкую читательскую аудиторию, истинных ценителей живого русского языка, русской литературы

Пушкин Александр Сергеевич

(1799 – 1837)

«Дух прекрасный и солнечный»

С детства мы воспринимаем Первого Поэта России Александра Сергеевича как эпикурейца, оптимиста. Мы невероятно обольщены русским поэтическим Аполлоном, *«Солнцем с душой человека»* и совершенно им покорены. Мы восхищены и изумлены пламенным стремлением Пушкина к красоте, правде и добру, его поэтической смелостью и жаром глубокого убеждения. Живое земное создание, *«Радуга с драгоценными цветами»* подарившее нам новый поэтический язык и новые поэтические миры, облекший их в простое и ясное русское слово, чистое и прелестное в своем звучании.

«Это невозможно», – сказал Опыт.

«Это немыслимо», – отрезал Разум.

«Бессмысленно», – обронила Гордость.

«А ты попробуй», – прошептала Мечта.

И он не просто попробовал... Дитя России первого тысячелетия исполнил «души полет» – запечатлел собственную иллюстрацию времени, личный взгляд на его пороки и добродетели в самой высокой и звенящей поэтической форме, тем самым став для России *«Счастьем на кончике языка»*.

Он властвовал думами. Он вдохновлял нацию. И делал это по царски: красиво, щедро и с любовью. Он говорил ей о ценностях, убеждениях и жизни, которой она хотела жить, поднимая ее интеллект и душу на высоты славы отечества.

Простой, ясный, доходчивый язык поэзии и прозы, соединенный с повышенной выразительностью и образностью, – вот такой он, пластичный и рельефный, пушкинский язык. Он, как исповедь народа, захватывает, побуждает вслушиваться, читать, переживать, осмысливать – *слова здесь, как золотые ключи апостола Петра, правильно подобранные, открывающие любую душу...*

Этот язык – он такой родной, такой русский, мудрый, дерзкий и осторожный, с той самообытной стройностью, и смысловой ясностью, и выразительной патриотической ноткой, которая исподволь наполняет русского человека чувством гордости за свою родину, свою нацию.

Как чародей, Пушкин владел таким могучим языком, умел мыслить очаровательными образами и воплощать свои переживания в русском слове, да с такой насыщенностью, будто опрокидывается пьянящий ковш «правды сущей», которой издревле отличалось и славилось русское слово.

Его язык прививал вкус к родному языку и любовь к Родине. Он очень светлый и по – настоящему добрый. И потому вызывал только светлые ощущения, чувство, полностью внятное сердцу.

Русский Ахиллес, побеждающий Боагрию, дикую силу невежества. Он не гряз в суете, рутине и покое. Он всегда делал первый шаг к тому, чтобы быть в настоящем. Он жил в этом настоящем, как ребенок, ничего не пропуская и делая самое важное для себя, людей: *«Доколе я в миру, я свет этого мира»*.

Жизнь для него не была готовым к употреблению продуктом. Ее порождали его действия. Он понимал и создавал ясную картину миру, возможность для русского человека прикоснуться к знаниям, которые становились мировоззрением целого народа, всей Руси:

*«Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;...»*

«Русалка» – два корня, два слога: *рус* – Русь, *алка* – Мудрая (по стар. – слав.). Русь для него – страна сказочная, мудрая. Она всегда живет у него на «высотах создания». И весь народ и вся нация – именно так. На меньше он не соглашался. Немного – это так оказалось много!

Он строил самую высокую башню на земле. Литературную Вселенную. Поднимался к ней по лестнице, по ступенькам *веры*, как библейский пророк, и ступенькам *разумения*, как афинский мыслитель. И всегда оставлял ту ступеньку, на которой стоял, чтобы идти дальше, выше. Это было источником его счастья и наслаждения. В то время, тот миг, тот момент. А большего он и не хотел, потому что нес в себе это древнее правило мира: *«Куда бы ты ни шел, иди со своей душой»...*

Он приходит к нам во снах и наяву, как наивный «ангелочек», привносит в наши детские души мотивы красивых русских сказок, поэтичных и мудрых, прелестных и ярких, в которых всегда живут искренность и великодушие, побеждают любовь и верность.

Каким он был, Александр Сергеевич?

А каким же был на самом деле Пушкин – самый загадочный гений России, всеобще почитаемый, всеобще обожествленный. Гордость русского народа, начало начал в русской литературе, Солнце русской поэзии.

Попробуем описать личность и жизнь великого человека, *«не стоя на коленях»*, то есть не идеализируя и не канонизируя. Выйдя из вавилонского плена, плена легендарного, из «легендного образа» Пушкина:

Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

«Увидимся» с поэтом, не смягчая образ поэта, лира которого освобождает душу от хлама и уносит ее в горные эфиры, *«чтоб в просвещении стать с веком наравне»*. Не скрывая, не обходя молчанием и собственную Пушкиным оценку своей внешности как «безобразной», породившей в его земной юдоли комплекс неполноценности, включая «бесстыдно бешеных желаний» и обостренную ревность, ставшей косвенной причиной гибели.

Это о нем, литературной Вселенной, было сказано в те далекие библейские времена: «Когда Творец задумал сотворить человека, ангелы разделились на несколько групп: одни говорили Ему: «Не твори», а другие говорили: «Сотвори».

Милосердие сказало – *создавай, потому что он творит милосердие.*

Истина сказала – *не создавай, потому что весь он – ложь.*

Правда сказала – *создавай, потому что он вершит справедливость.*

Мир сказал – *не создавай, потому что он – сплошные раздоры.*

Победитель и Жертва

Посмотрим на «многопланового» Пушкина без апологии, но и без обвинительного акта. Как на Победителя со своим списком побед и как на Жертву со своим мартирологом, списком поражений и страданий.

Слова Победителя:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в свой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

Слова Жертвы:

«Молва, быть может, не совсем права,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготее. Так разврата
Я долго был покорный ученик».

Если выйти за предела магического круга, созданного очаровательными произведениями поэта, то видятся два Пушкина. Пушкин – поэт и Пушкин – человек. И эти два Пушкина – не всегда составляли одно и то же лицо: человек и поэт в Пушкине – это две большие разницы. Нельзя смотреть на творчество Пушкина как непосредственную автобиографию.

Первым, кто вычеканил двойственный взгляд на Пушкина, оказался Гоголь: *«Поэзия была для него святыней, точно какой – то храм. Не входил он неопрятный и неприбранный, ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из своей жизни. А между тем все там – история его самого»*. Гоголь подчеркивает, что само творчество не отражает духовную жизнь Пушкина.

Современники, друзья и родные поэта, а также его недруги – злопыхатели, были едины в следующей характеристике личности Пушкина: в жизни легкомысленный, циничный, суетный и раздражительный, до безумия захваченный страстью, безмерно наделенный состоянием дружбы, чести и гордости; в поэзии же – божественный, мудрый и сердечный, и как ребенок, искренний и чистый. Совершенно противоположные явления, протекающие энергично и постоянно в его собственной натуре, вместившей не только *мир русского, но и человечества русского*.

Да, в жизни он был разным, «двуплановым» – и предающим и отрекающимся, и любящим, и верным, а музе своей служил всегда с чувственным благородством; всю свою короткую мятежную жизнь стоял перед Ней в почетном карауле и выплатил сполна дань всем великим явлениям, образам и мыслям, всему тому, что тогда чувствовала и вынашивала в себе Россия. Никогда уже так свежо и целомудренно страстно не произнесется и горячо не объяснится...

Пушкин – это не благоговейный трепет, а не смущающаяся смелость, всегда искренняя и благородная. Заклинатель и властитель многообразных жизненных стихий. В нем отразилась и высказалась вся наша духовная жизнь, и, как великий муж, был не рабом и данником, а указателем и поучителем моральной и патриотической русской вехи, ее *ментальным конденсатом*.

Самое главное для человека

Пушкин всей безудержной мощью таланта и воли носил в себе мироощущение солнца – светлый луч с Позитивным началом, присущим миру. Луч света с душой человеческой. Считал, что *жить – это самое главное для человека, и тогда все, что укрепляет корни жизни – свято, благословенно.*

«Быть без слез, без жизни, без любви» — не для него. Жизнь очищенная от слепых низменных чувств, бьющая огненным фонтаном – это его полнота Бытия, полнота Напряжения, полнота Наслаждения. И благодаря этой жертве он считал каждого человека – богом:

*«И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам»*

Он нес сознательное даровитое чувство красоты, способность по *узенькой пятке* дорисовать весь образ, способность находить «странную приятность» в «потухшем взоре и помертвевших глазах черноокой Инесы» («Каменный гость»).

Как волшебник и чародей, он исторгал у современников одновременно и радость, и смех, и слезы; брал самые высокие аккорды чувств, очищая от зависти, алчности и уныния; звуками его лиры был изумлена вся Русь – она еще подобного никогда не слыхала, жадно прислушивалась и ощущала, как наполнялись все нервы ее жизни благоуханием чудесного, всех цветов и деревьев Армидина сада (Торквато Тассо – «Освобожденный Иерусалим»): *«Невозможно обозреть всех его (Пушкина) созданий и определить характер каждого: это значило бы перечисть и описать все деревья и цветы Армидина сад».*

(В. Г. Белинский, Литературные мечтания).

Он жил, как Аполлон

Монашеская, отшельническая жизнь – не для Пушкина. Одинокая келья или скит – не его обитель.

Он ушел покорно и без сопротивления, а жил как молодой Аполлон.

Тот играл на флейте, а Пушкин – на поэтической лире.

Тот имел пышные поля, а этот – земли, моря и горы России.

Оттенок кожи первый имел светловатый, а второй —многоцветно – прекрасный.

Там – веселая свита из молодых пастушек, здесь – из светских львиц и простолюдинок.

И там, и тут – воспевание сладостей не трясин, дебрей и болотц, а наслаждений и удовольствий.

И в том и этом – трепет страсти безрассудной. Несомненно, мир между ними был заключен навсегда – между этими двумя Богами. И ведь с явным и очевидно просматриваемом ключом к ответу пишет А. Блок: *«Мы поклоняемся Пушкину как Богу, хотя знаем, что он не Бог»*.

Греческий христианский мыслитель, автор термина «Богочеловек» Ориген дал толкование вопроса – что такое Бог? *«Наши ум своими силами не может постичь самого Бога, но познает Отца всех тварей из красот дел и великолепия Вселенной»*.

А это означает, что Пушкин явил собой великолепие Вселенной под названием Россия – ведь красота дел его земных не меркнет, патиной времени не затягивается, а арапский профиль украшает стены и обложки религиозных и светских мировых культовых объектов.

«Когда же он решался быть любезным, – пишет А. Керн, – то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностью его речи». Брат Пушкина Лев дополняет: *«...он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем – нибудь близким его душе, тогда он являлся поэтом...»*

Великий мирянин России, ее поэтический пророк, вечно присутствующий в нашей жизни; живой, как ртуть, кудрявый ясноглазый человек, одетая в гранит задумчивая фигура которого возвышается на собственном духовном пьедестале: *«но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал»*. Нет России без ее великих патриотов. Нет России без ее великих властителей дум. То и другое вместе – Пушкин.

«...Только прикоснусь к его строке —
И потонут все ночные тени
В этой вечно утренней реке...
И свечой горя в тумане тусклом,
Пробиваясь ландышем в пыли,
Каждой жилкой биться вместе с пульсом,
Русским пульсом Матери – Земли».

Царскосельский лицей

В Царскосельский лицей Пушкин поступил в полные двенадцать лет. Настоял на лицее дядя поэта Василий Львович: использовал личные связи и сам увез племянника в Петербург.

Лицей был элитарным учебным заведением, корпоративным (всего 30 студентов), в нем император Александр намеревался воспитывать вместе со всеми своих младших братьев Николая (будущего императора) и Михаила. Однако обучение братьев не состоялось (воспротивилась мать Мария Федоровна) – и по иронии Судьбы будущий Поэт и будущий Царь не стали однокашниками.

Товарищи по лицей за страсть Пушкина к французскому языку прозвали его в насмешку «Французом», а по физиономии и некоторым привычкам смесью «обезьяны с тигром». Так, внучка Кутузова в дневнике своем после знакомства с Пушкиным записывает: *«Невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра»*. Два штампа: обезьяна – щеголь, тигр – тиран (типовая характеристика французов по Вольтеру). Одна из предполагаемых невест Пушкина после знакомств с ним запишет: *«Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью»*. Вот еще свидетельство брата Льва: *«Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевлено»*. И сам Пушкин в своем раннем лицейском стихотворении на французском «Mon portrait» признает, что внешне он был некрасив:

«Суций бес в проказах,
Суцая обезьяна лицом».

Вот она, субъективная оценка своего «уродства», но Пушкин в молодости мало придавал значения своей непривлекательной внешности, вполне подготовленный природой и чтением к уму блистательному и страстям безмерным. Уже позже, в зрелом возрасте, он вынужден признаться, и в этом признании уже нет жеманства и кокетства юности, а звучит упрек «горькой» доле природной:

«А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдством бешеных желаний».

И скрытое страдание здесь, и видимая ущербность от «непотребного» вида своего, и признание, что жизнь берет другим компенсатором – «бешеными желаниями».

Пушкин полностью отставал от сверстников по многим предметам, сидел на последней парте – на Камчатке. Но что отмечали однокашники: «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое перечитал, о чем мы и не слыхали все, что он читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать... Набрасывал он свои мысли на бумагу везде, где мог, а чаще во время математических уроков. От нетерпения грыз он обыкновенно перо, насупя брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное».

Из 29 учеников Пушкин окончил общий курс двадцать седьмым, двадцать восьмым был Дельвиг. Характеристика Пушкина по окончании лицея: «Ленив, поверхностен, легкомыслен, способен только к предметам, требующим малого напряжения, успехи его невелики,

имеет остроту, но, к сожалению, только для пустоты». Подписал преподавательский состав... за исключением профессоров российской и латинской словесности.

По лицейской легенде, услышав от своего блистательного преемника: «*Навис покров угрюмой ночи// Над сводом дремлющих небес*» Державин был так поражен, что на глазах у всех привстал и воскликнул: «Я не умер».

Во время посещения Лицея Александр I спросил, обращаясь к ученикам: «Ну, кто здесь первый?» и услышал ответ юного Пушкина: «Здесь нет первых, ваше величество, все вторые».

«Начал я писать с 13 – летнего возраста и печатать почти с того же времени», – вспоминал Пушкин впоследствии.

Из этого выпуска трое друзей поэта стали участниками восстания против царя 14 декабря 1825 г.

В 1815 г. Пушкин с триумфом прочел на экзамене свое стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» в присутствии знаменитого поэта Г. Р. Державина: «*Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил*». На выпускном акте в 1817 г. Пушкин также прочел собственное стихотворение «Безверие».

Пушкин и Державин

25 июня 1815 г. они встретились впервые: 72 – летний Державин, приехавший в лицей принимать экзамен, и 15 – летний Пушкин. Здесь патриарх русской поэзии произнес пророческие слова, что русская поэзия в лице Пушкина начинает свой рост.» (*«Державин нас заметил»* – Пушкин). Под словом «нас» – муза и поэт. Встреча была единственная.

В 1815 году « державного» поэта пригласили почетным гостем на публичный экзамен в Царскосельский лицей. Ни одно важное событие культуры не обходилось без присутствия «старика Державина». Поэт был стар и дряхл. Он знал, что жить остается недолго и, никогда не страдавший от скромности, мучился оттого, что *«некому лиру передать»*. Нет в России поэта, достойно продолжившего бы его дело.

Державин дремал, сидя за столом экзаменаторов и знатных гостей. И не сразу понял, откуда взялись великолепные строки стихов, звучащие в парадном зале. Кудрявый юноша читал их звонко и взволнованно. О чем тогда подумал старый поэт? Что появился тот, кому не страшно и не совестно передать свое первенство в русской поэзии? Что наконец – то можно спокойно оставить здешний свет?

Вот как сам кудрявый лицеист, А. С. Пушкин, вспоминал позднее этот экзамен: *«Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтобы дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую Водопад. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плюсовых сапогах. Экзамен наши очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности.*

Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои Воспоминания в Царском Селе, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал.

Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять. Меня искали, но не нашли».

По легенде, после выпускного вечера в лицее Пушкин остался наедине с большим городом: родители отказались принять сына, ссылаясь на денежные затруднения. Одинокая фигура кучерявого отрока с большими печальными глазами стояла у парадного подъезда лицея и провожала кареты, которые увозили его выпускников по домам. Друзья приглашали поэта к себе, но Пушкин отказывал – гордость не позволяла принять милость.

Мировоззрение Солнца

Пушкин считал жизнь плодом мечты и гармонических настроений. «*Порой опять гармонией упьюсь*» – какое сочное, чувственное, физиологическое наслаждение: «*упьюсь*». Беспечная, юная и безграничная жажда наслаждения. Чисто русская удаль, с дерзкой прожигаемостью жизни, безусталой погоней за удовольствием. Отвергающей тот тип жизни, в котором

Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм...

Евгений Онегин.

«...в мире всех общественных и нравственных наших сочувствий – Пушкин есть первый и полный представитель нашей физиономии».

Аполлон Григорьев.

Пушкин упивался гармонией жизни. Это то, ради чего и стоит жить! Это и есть *мировоззрение солнца*, когда постоянно и каждый день всходит мера страстей вольных и дозволенных, что с подоплекой мудрости библейской озвучил апостол Павел: «*Все мне позволительно, но не все мне полезно*».

Пушкин – наша органическая душевная целость, образ народной нашей сущности, нашей народной личности, наша русская словесная самостоятельность. Он наполнил правдивыми рафаэловскими красками и изящными ваятельными микеланджеловскими линиями русскую поэзию, сделал ее чистой и совершенной.

Факты детства

Страсть к чтению. Дневные и ночные часы в библиотеке отца, уединение. Вольтер: «Философские письма», «Задиг, или судьба», «Кандид, или оптимизм», «Орлеанская девственница». «Война богов» Парни Эвариста впоследствии послужила толчком для создания «Гавриилиады». Перечитывал не раз, стараясь запоминать *галантный* стиль «Опасных связей» Пьера Шодерло де Лакло. Был в непрестанном восхищении от элегии Парни «Enfin». Читал в упоении, хорошо запоминал, выучил наизусть, чтобы не забыть и в дальнейшем переложить испытанное ощущение свободы, раскованности и изящества в своих любовных стихах. А к «Исповеди» Руссо обратится в комментариях к «Евгению Онегину».

Пушкин быстро запомнил все буквы алфавита и начал составлять из них новые сочетания. Одновременно, по словам сестры Ольги «до шести лет Пушкин был просто увалень, которого почти насильно водили гулять». Еще один отзыв о малолетнем Пушкине: «...молодой Пушкин... был скромным ребенком: он очень понимал себя, но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сживал где – то в уголке...»

Образы поэта Пушкина

Пушкин в разные периоды по – разному представлял себе образ поэта, по – разному понимал его назначение. Он нередко высказывал диаметрально противоположные точки зрения.

В одном месте Пушкин заявляет: « *И, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей*». В данном случае он отождествлял поэта с пророком, оратором, требовал, чтобы тот шел к народу, воспитывал людей.

В следующий раз – утверждение противоположное. Пушкин требует, чтобы поэт удалился от людей « *на берега пустынных волн*», «*Ты царь: живи один*». Поэт говорит толпе: «*Подите прочь – какое дело поэту мирному до вас!*».

В другом суждении – поэт нелюдим: «*Непонимаемый никем... Проходишь ты, уныл и нем. С толпой не делишь ты ни гнева, ни нужд, ни хохота, ни рева, ни удивленья, ни труда*».

А в этих размышлениях – поэт для него уже сам человек толпы. Поэт как «*гуляка праздный*», как легкомысленный «*ленивец*». Для него истинный поэт – это тот, кто смеется «*забаве площадной и вольности лубочной сцены*».

Пушкин и мир

Пушкин был сам век. И подчас – больше века, опережал свой век и свой класс, иначе в двадцать пять лет не появились бы «Борис Годунов» и «Клеопатра», в тридцать – «Скупой рыцарь», а за два года до гибели – «Египетские ночи».

И, как следствие ушел из жизни Первый Поэт России не понятый, даже после того, как Николай I, император России дал ему самую высокую оценку – *умнейший муж России*. Уже тогда навязывался стереотип Пушкина-человека, интересы которого только плотские – вино, карты, женщины и сочиняющего занятные вирши от скуки и уныния, из – за мелкого тщеславия прослыть оригинальным. Но это слишком уничижительный, «планктонный» образ Первого Мелькартового столпа (второй – Лермонтов) русского поэтического космоса.

Пушкин – это иное, это прежде всего в своем основном качестве предиктора, предсказателя общего хода вещей и явлений, мыслителя и философа, достигшего совершенства в искусстве владения словом, в умении доносить до мира (общества) сложнейшие вещи мировоззренческого характера по очень простому историческому принципу: *«Каждая моя мысль прибавляет меня, ибо я един во всем человеческом»*.

В какой-то мере этим принципом пользовались и до сих пор пользуются многие в словесности, поскольку он всегда символичен, обобщающе широкий, но именно Пушкин достиг в нем совершенства, воздвиг себе «памятник нерукотворный», потому что словом «жег сердца людей».

«Медный всадник» – способность «видеть общий ход вещей»

Единственное творение Пушкина, в которой таинственные и неясные образы, порождаемые словами текста, создают внутренний смысловой ряд, отражают явления единого и целостного мира.

Самая загадочная поэма с мистическим скрытым смыслом – библейским, иудейским, еврейским и еще – удивительная прозорливость будущности России, и потому – бессмертное творение Пушкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.